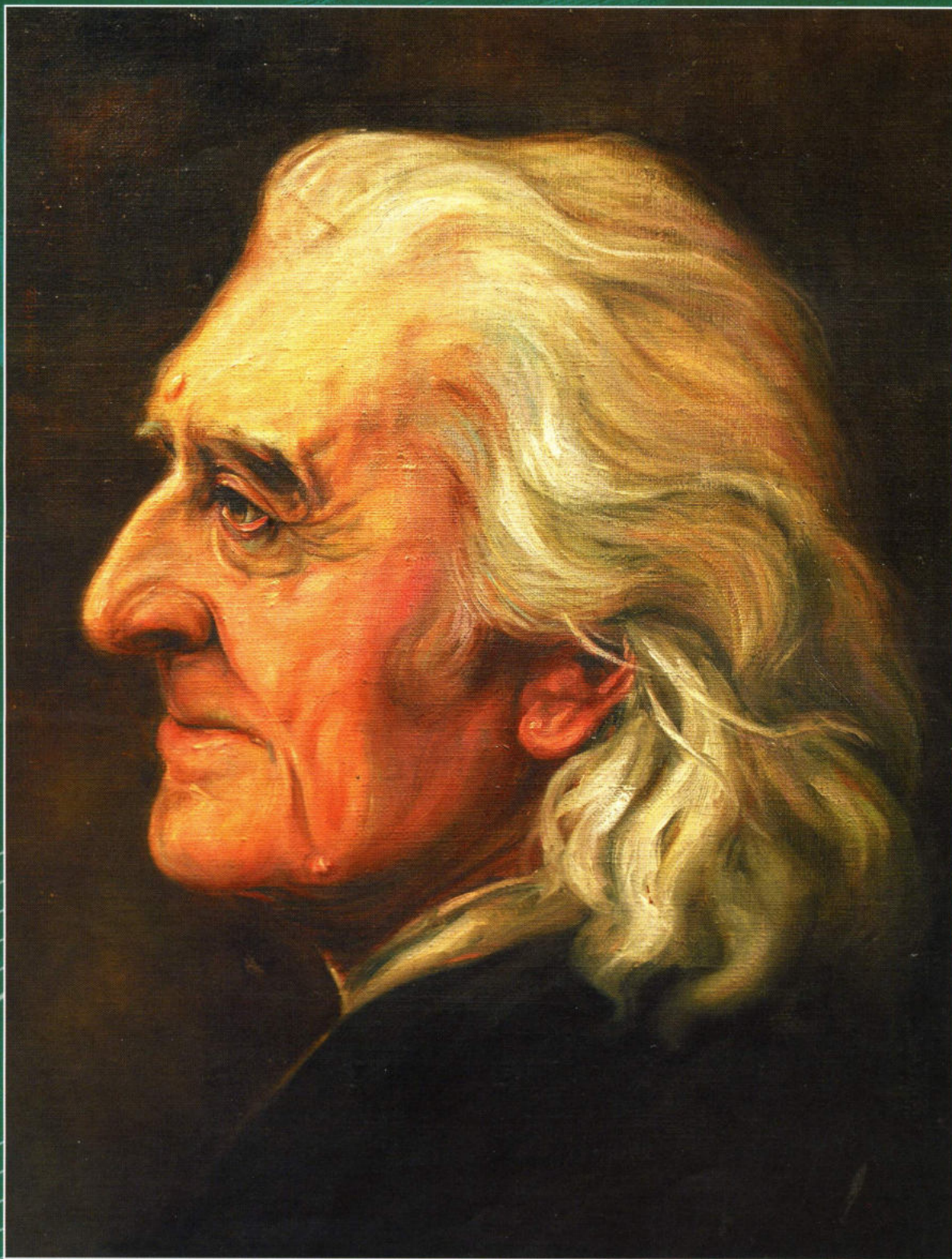

Выходит раз в две недели
Рекомендуемая цена
149 руб., 650 тенге, 19,90 грн

ЛИСТ

58

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ВЕЛИКИЕ КОМПОЗИТОРЫ

DeAGOSTINI

Коллекция

«ВЕЛИКИЕ КОМПОЗИТОРЫ»

дает возможность
еще раз встретиться
с бессмертной музыкой
гениев прошлого

«Великие композиторы», №58

Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини»
107140, Россия, г. Москва,
ул. Русаковская, д. 13/1

Адрес для писем читателей: 123298,
г. Москва, а/я 40, «Великие композиторы»

Главный редактор:
А. Панфилов

Отпечатано в типографии:
Юнивест-Маркетинг, Киев, Украина

Тираж: 70 000 экз.

Печатные материалы, рисунки
и иллюстрации серии охраняются
законом об авторском праве.
Любое воспроизведение опубликованных
материалов возможно лишь
с письменного разрешения редакции.
Составной частью каждого выпуска
является компакт-диск.

Свидетельство о регистрации
Федеральной службы по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия
Российской Федерации:
ПИ №ФС77-26065 от 20.10.2006

Иллюстрации: передняя обложка:
Картинная библиотека ДеА/А. Дальи
Орти; задняя обложка: Картинная
библиотека ДеА/Г. Дальи Орти

© 2008 ООО «Де Агостини»

Каждый выпуск посвящен
одному композитору
и содержит компакт-диск
с записью его наиболее
известных сочинений.

Следующий выпуск
в продаже
через две недели!

В следующем выпуске:

ШУМАН

Концерт для фортепиано с оркестром
ля минор соч. 54

Симфония №4 ре минор соч. 120

ЛИСТ НА ЗАКАТЕ ЖИЗНИ

Листая страницы Шопенгауэра, Лист наткнулся на строки о мастере-пиротехнике, который запустил самые прекрасные свои ракеты и лишь после этого узнал, что все его зрители были слепыми. Позже композитор признался: «Я давно уже считаю себя таким пиротехником, однако, верю, придет время, и моя слепая публика прозреет».

Что хотел сказать композитор столь причудливой аллегорией? Последние пятнадцать лет жизни Ференца Листа известны достаточно хорошо. «Усталость овладела мною от постоянных разъ-

ездов, — писал он в ноябре 1877 года близкому другу, — больше всего я хотел бы оставаться до конца моей жизни и работать спокойно где-нибудь в деревне или городе, но на одном месте. Но мне этого, по-видимо-

му, не суждено, и поэтому я стараюсь по возможности избегать ненужных перемен; вопреки всем приглашениям я не поеду ни в Париж, ни в Лондон, а останусь в своем и без того широком и обременительном

Дом Листа
в Веймаре.

треугольнике — Будапешт, Веймар и Рим».

Тем не менее, он продолжал свои странствования. Город мелькал за городом, страна за страной: Париж и Лондон, Карлсруэ и Антверпен, Вена и Ганновер, Венеция и Байрейт. Все эти путешествия совершались им сверх заранее запланированных поездок, однако, несмотря на постоянный приток учеников, Лист повсюду вел сравнительно одинокий образ жизни. Речь, конечно, не о Париже, где художественная элита придерживалась диаметрально противоположных мнений о его творчестве; и не о Вене, где автору «Венгерских рапсодий» приходилось противостоять враждебной критике и безразличной или же неблагоприятной публике. Нет, парадокс человека, вынужденного почти двадцать четыре часа находиться на людях, заключался в том, что в собственных и зарубежных квартирах, при официальном почете, оказываемом ему там и тут, он был, в сущности, окружен атмосферой непонимания и безразличия.

Не странно ли читать в мемуарах Бородина, что в провинциальном Веймаре, где большая часть населе-

Лист играет.

ния жила на доходы от вызванного Листом притока иностранных туристов, трудно было найти его квартиру, ибо веймарцы ничего не знали о существовании музыканта?

Не странно ли обнаруживать в воспоминаниях Страдаля, что в 1885—86 годах Листа словно бойкотировали его современники: в то время, как статуя композитора прижизненно украшала фасад оперного театра в Будапеште, его самого почти демонстративно игнорировали в музыкальных кругах Венгрии?

Одним из самых значительных «очагов жизнедеятельности» Ференца Листа, источником иллюзий и разочарований одновременно стал Рим. «Мне не доверяют, — сказал однажды композитор, — ибо я написал не только симфонию «Фауст», но и симфонию «Данте», в то время как «Божественная комедия» Данте, как и «Фауст» Гете приводят нас в конечном итоге различными путями к тем же небесным вершинам». К религии

«Портрет Александра Бородина» (1888) кисти Ильи Репина. Бородин принадлежал к числу тех русских композиторов, чьим творчеством восхищался Лист.

Картина из библиотеки Деа

Голоса из хора

Я говорил Вам уже о группе новых, смелых русских композиторов — Римском-Корсакове, Балакиреве, Бородине, Кюи, Лядове. Их произведения заслуживают серьезного внимания и очень мне по душе. А, между тем, петербургскому обществу едва известны их имена: оно признает только Чайковского. Тем не менее, я убежден, что эта пятерка оставит более плодотворный след, чем запоздалые подражатели Мендельсона и Шумана. ♪

Ференц Лист
(в письме к княгине Сайн-Витгенштейн)

Даты

Хронология жизни

- 1811** Родился 22 октября в венгерской деревне Доборьян.
- 1821** Семья переезжает в Вену, а через два года — в Париж.
- 1827** Умирает отец композитора.
- 1828** Духовный кризис и прекращение концертной деятельности.
- 1831** Знакомится с Фредериком Шопеном.
- 1834** Начало романа с графиней Мари д'Агу.
- 1835** Вместе с Мари д'Агу едет в Женеву.
- 1836** Дает концерты в Париже.
- 1837** Уезжает в Италию.
- 1840** В апреле в Париже знакомится с Вагнером.
- 1846** Начинает писать «Венгерские рапсодии».
- 1847** Во время гастролей в России встречается с княгиней Каролиной Сайн-Витгенштейн.
- 1848—61** Живет в Веймаре, возглавляя Веймарскую оперу и много работая над собственными сочинениями.
- 1861** Переезжает в Рим.
- 1865** Принимает духовный сан.
- 1869—86** Живет и работает в Риме, Веймаре и Будапеште.
- 1875** Становится директором Музыкальной Академии в Будапеште.
- 1886** 31 июля умирает в Байрейте.

Картина библиотеки ДюАА, Дания Орта

Лист питал сложные, порой весьма мучительные чувства. Вопреки громогласным речам и надменным обещаниям, папский престол и высшее католическое духовенство не принимали Листа всерьез, подозревая в нем еретика. Религиозность Листа, если сравнивать его с великими современниками, была наиболее близка убеждениям Джузеппе Верди, она проистекала из глубины его душевных переживаний. Противоречивую сущность Листа точно сформулировал Фердинанд Грегоровиус, назвав его в своих «Римских письмах» «Мефистофелем в юбке». Как бы то ни было, религиозные склонности так же мало обязывали Листа навсегда переселиться в Рим, как Верди или Вагнера. Одно время он действительно намеревался примерить роль спасителя пришедшей в упадок католической церковной музыки. Возможно, им двигало честолюбие — велико

Вагнер и Лист. Вагнер был зятем Листа, третье действующее лицо этой картины — Козима Вагнер, дочь Листа.

было искушение стать новым Палестриной в Риме XIX столетия. Эту идею активно поощряла и княгиня Сайн-Витгенштейн, женщина, на долгое время избранная им спутницей жизни. Она оказывала немалое влияние на образ его мышления, хотя едва ли играла демоническую роль в жизни композитора, приписываемую ей биографами «Мефистофеля в юбке». Но слишком живым, слишком страстно и тонко чувствующим поэтом был Лист, чтобы суметь отрешиться от земных переживаний и принести свои дары в лоно церкви.

На вилле д'Эсте, в кругу кардиналов и на светских раутах стареющий Лист наталкивался на одинаковую молчаливую, сумрачную слержанность.

Настоящей отрадой стало для Листа открытие богатой, полной сил русской музыкальной культуры. Плеяда высокоодаренных молодых музыкантов, не поблекших под гнетом

Смерть поэта А. К. Толстого Лист горестно оплакивал. Этот портрет Алексея Толстого (1817—1875) Репин выполнил в 1896 году по памяти.

Государственный Литературный музей, Москва, Художественная библиотека Бродягина

В Россию с любовью

Гигантская фигура Листа на протяжении многих лет приковывала к себе внимание не только русских музыкантов, но и русских писателей, художников, артистов. Начиная с 1840-х годов, когда Лист впервые посетил Россию, в русской литературе начинают появляться самые разнообразные суждения о нем. Одни писатели (Герцен, Огарев, Анненков) ставили Листа как музыканта чрезвычайно высоко; другие же (Кукольник или Константин Аксаков) не могли примириться с яркими контрастами и преувеличениями, с отсутствием строгости и спокойствия в его игре. Естественно, что и отношение Листа к различным представителям русского искусства не являлось одинаковым. Были писатели и художники, с которыми он только равнодушно встречался, но находились и те, кто оставил глубокий след в душе венгерского мастера. И здесь в первую очередь нужно назвать А. К. Толстого. Знакомство с Толстым произошло благодаря связям княгини Сайн-Витгенштейн. Лист активно содействовал постановке пьесы Толстого «Смерть Иоанна Грозного» на сцене Веймарского театра. Сохранилось письмо А. Толстого к Листу, полное глубокой признательности и благоговения. «Дорогой Лист, — писал Толстой, — Ваше нравственное влияние, коим пропитан весь Веймар, сделало меня счастливым. Я не прошу Вас писать нам: Вы слишком заняты, но время от времени вспоминайте нас, которые любят Вас больше, чем я сумел бы высказать словами». После смерти Толстого Лист отправил его вдове письмо, содержащее следующие строки: «Один знаменитый поэт, который далеко не мог сравниться по благородству души и возвышенности ума с Вашим мужем, сказал как-то: "Единственная отрада, доставшаяся мне в жизни, — это сознание, что я иногда прежде плакал". Я испытываю это, думая о моем благородном друге Алексее Толстом».

условности западноевропейского искусства, вызвала чрезвычайный интерес венгерского композитора. «Вы, русские, мне очень нужны, я без вас не могу... У вас там живая жизненная струя, у вас будущность, а здесь кругом большей частью мертвечина», — цитировал слова Листа Александр Бородин в письме к Цезарю Кюи. Сам Лист так отзывался о «Могучей кучке» в письме к Балакиреву: «В этой храброй музыкальной фаланге я приветствую от всего сердца крупных мастеров, одаренных жизненной энергией, они на самом деле несколько не страдают анемией — болезнью, очень распространенной в разных странах».

Однажды в кругу современников, как свидетельствует Корнель Абраньи, Лист заявил, что не придает значения новым сочинениям немецких и французских композиторов. «Тем более меня интересуют вот эти, — с этими словами он извлек на свет огромный пакет, содержащий десять-пятнадцать увесистых томов. — Это новая русская музыкальная литература». Пакет раскрыли, но никто из присутствующих не говорил по-русски, поэтому ни заглавий, ни имен слушатели так и не узнали. «Я не слышал

прежде ни одного звука этих произведений, — пишет Абраньи, — но почувствовал, что речь идет не о посредственных композиторах. Я подумал, как внезапно возникло из тьмы русское искусство и поднялось к свету, как Минерва в шлеме и броне, одним взмахом завоевав себе место в мировом художественном пространстве».

Между тем, душевное состояние Листа, лишенного корней и потерявшего родину странствующего музыканта, таило горечь несбыточных надежд и разочарований. Художник, перед которым с юного возраста стоял на коленях весь мир, чьи рукописи, автографы и локоны бережно хранили тысячи почитателей, кто не мог сесть за рояль без того, чтобы его игра не воодушевила толпу слушателей, — этот полубог, демонстративно надевший сутану светского аббата, горько переживал разлад с самим собой, лишь в будущем видя надежду на свое оправдание. Блистательный путь творца не увенчался крупной победой, однако именно здесь лежало открытие, указывающее дорогу в будущее и ожидающее продолжения. Ференцу Листу оказалось под силу раскрыть ворота целого столетия, и родившееся с его помощью искусство двадцатого века достойно завершило его труд.

Памятник Листу в Будапеште.

Картина: библиотека ДАХ К. Салта

❖ Лист ❖ ПРЕЛЮДЫ

C

p E_3 $D\#_2$ E_3 E_3 $D\#_2$ E_3 F_4

C_2 C_2 C_2

G7

E_3 G_1 D_3 $C\#_2$ D_3 D_3 $C\#_2$ D_3

G_4 G_4

C

G_5 E_3 $D\#_2$ E_3

G_4 C_2

Сыграй сам

System 1:

- Measure 1: Treble clef, G4 (finger 3), A4 (finger 2), B4 (finger 3). Bass clef, G2 (finger 4), B2 (finger 3). Chord: C2.
- Measure 2: Treble clef, G4 (finger 3), A4 (finger 2), B4 (finger 3). Bass clef, G2 (finger 4), B2 (finger 3). Chord: C2.

System 2:

- Measure 1: Treble clef, G4 (finger 3), A4 (finger 2), B4 (finger 3). Bass clef, G2 (finger 4), B2 (finger 3). Chord: B3. Fingering: E2 (finger 2), D#4 (finger 1), E4 (finger 2).
- Measure 2: Treble clef, G4 (finger 3), A4 (finger 2), B4 (finger 3). Bass clef, G2 (finger 4), B2 (finger 3). Chord: B3. Fingering: G4 (finger 4), F#4 (finger 3).
- Measure 3: Treble clef, G4 (finger 3), A4 (finger 2), B4 (finger 3). Bass clef, G2 (finger 4), B2 (finger 3). Chord: E1, B2. Fingering: E4 (finger 2), F#4 (finger 3), G4 (finger 1), A4 (finger 2).

System 3:

- Measure 1: Treble clef, G4 (finger 3), A4 (finger 2), B4 (finger 3). Bass clef, G2 (finger 4), B2 (finger 3). Chord: G7. Fingering: A#4 (finger 3), B4 (finger 1), E4 (finger 4).
- Measure 2: Treble clef, G4 (finger 3), A4 (finger 2), B4 (finger 3). Bass clef, G2 (finger 4), B2 (finger 3). Chord: G7. Fingering: E4 (finger 5), D4 (finger 4).
- Measure 3: Treble clef, G4 (finger 3), A4 (finger 2), B4 (finger 3). Bass clef, G2 (finger 4), B2 (finger 3). Chord: G7. Fingering: B4 (finger 3), A4 (finger 2), D4 (finger 1), G4 (finger 2).

C

f

E₃ D#₂ E₃ E₃ D#₂ E₃ F₄

C₂ C₂ C₂

G7

E₃ G₁ D₃ C#₂ D₃ D₃ C#₂ D₃

G₄ G₄

C

G₅ E₃ D#₂ E₃

mp

G₄ C₂

Сыграй сам

Gm
 3fr.

A7

Bb
 3

D7

G7

C

E 3, **D# 2**, **E 3**, **F 4**, **E 1**, **F 2**, **F# 3**, **G 1**, **G# 2**

B 3, **G# 2**, **A 1**, **B 2**, **C 3**, **C# 4**, **E 5**

D 1, **G 4**

E 5, **D 4**, **C 3**

C 2

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ДИСКУ

Жанр симфонической поэмы как нельзя более отвечал темпераменту и душевному складу Листа. В нем он создал немало прекрасных вещей.

1 Прелюды

«Разве жизнь — это не прелюдия к неведомой пьесе, первая благородная нота которой звучит в исполнении смерти? Любовь — это светлая утренняя звезда каждого сердца. Но чьи первые мгновенья счастья не разбились ревущей бурей, которая холодным дыханием развеивает все иллюзии сердца и смертельным громом уничтожает алтарь его надежд? Какая израненная душа не хотела бы после таких потрясений лелеять свои воспомина-

ния в милой сельской глуши? Но человек непостоянен. Вскоре уже ему прискуивает приятный покой на лоне природы, и при первом же зове он бросается туда, где ждут его новые проблески счастья, новые разочарования и горести». Так писал Лист о своих «Прелюдах».

Созданные в 1854 году в Веймаре, «Прелюды» задумывались автором как увертюра к произведению для хора «Четыре стихии» (по произведению

Жозефа Отрана). Однако оно так и не было написано, поэтому несостоявшаяся увертюра получила самостоятельное значение. «Прелюды» — самая организованная симфоническая поэма Листа. Ряд различных по настроению картин, из которых она состоит, композитор мастерски соединяет (и даже — сливает) в единое целое. Особенно интересен здесь лейтмотив, возникающий в самых неожиданных интерпретациях.

«Плот "Медузы"» — самое знаменитое полотно Теодора Жерико.

2 Прометей

В 1850 году в Веймаре поставили памятник поэту Иоганну Готфриду Гердеру, и этому событию сопутствовали многочисленные культурные мероприятия. Одним из таких мероприятий была премьера симфонической поэмы Листа «Прометей», написанной по мотивам драмы Гердера

«Освобожденный Прометей». Сам композитор так рассказывал о создании поэмы: «Я выбрал "Прометея", потому что миф о нем хранит в себе особую таинственность, эхо дальних традиций, чаяния, связанные не с материальными благами, а с лучшими душевными порывами чело-

века. Я тщился показать в своей вещи те противоречивые чувства, которые выражены в этом мифе, и надеялся, что в моем "Прометее" прозвучат отвага, терпение, мужество, надежда на всеобщее счастье. И самые смелые желания, способные родиться в человеческом сердце».

3 Орфей

«Орфей» — это четвертая симфоническая поэма Ференца Листа. Она была написана как пролог к торжественной постановке оперы Глюка «Орфей и Эвридика». В обширном вступлении, предваряющем партитуру, сказано, что это не просто еще одна версия греческой легенды. Фигура вдохновенного певца стала для Листа олицетворением искусства. «Орфей» — хвалебный гимн музыке, прославление ее фантастической силы. Он исполняется практически в едином темпе: *Andante moderato* — *Molto più Lento* — *Andante con moto* — *Langsam*. В этом произведении Лист предстает перед нами как предтеча импрессионизма.

«Орфей» — работа, принадлежащая кисти художника круга Яна Брейгеля Старшего (Галерея Боргезе, Рим).

4 Тассо

Жизнь Торквато Тассо (1544—1595) стала темой для многих литературных произведений. Писал о нем, в частности, Гете. И именно постановкой его «Торквато Тассо» было решено отметить столетие великого немецкого поэта. Чтобы начинание имело соответствующий блеск,

Листа попросили написать к нему музыкальный пролог. Он охотно взялся за заказ, и, несмотря на то, что до торжества оставалось всего несколько недель, в срок закончил работу. Однако написанная наспех увертюра, должно быть, не удовлетворила Листа, всегда чрезы-

чайно требовательного к себе, так как через пять лет, 19 апреля 1854 года, на концерте в Веймарской опере он выступил с симфонической поэмой «Тассо». Это произведение, хотя и было тематически родственным увертюре, явилось абсолютно новым сочинением.

РЕКОМЕНДУЕМ ПОСЛУШАТЬ

В последние годы жизни Лист все реже брался за перо. Не потому, что оскудел источник, питающий его новыми музыкальными идеями, а, скорее, из-за чрезмерно пристрастного отношения к собственной работе. Вместе с мировоззрением изменился и круг образов, коим суждено было стать воплощенными в музыке гения.

Via Crucis

После оратории «Христос», начатой еще в конце шестидесятых годов XIX столетия, Лист не создал ни одного широко задуманного произведения. В 1867—1881 годах он закончил третий цикл «Годов странствий», беспримерную летопись

жизни художника, свой музыкальный дневник и альбом эскизов одновременно. Позже появились три фантастических «Чардаша» и четыре фортепианные рапсодии — куда менее популярные в сравнении с предыдущими пятнадцатью. Вре-

Картина из библиотеки ДрА

Гравюра Дюрера
«Четыре
всадника
Апокалипсиса»
(1498).

Королевский дворец, Мадрид; Картина из библиотеки ДрА

«Восхождение на Голгофу» (1505—07)
кисти Иеронима Босха.

мя от времени, будто по недосмотру рассеянного маэстро, рождались отдельные, странные и одинокие, фортепианные пьесы, не связанные ни с «Годами странствий», ни с «Историческими портретами», ни с «Поэтическими и религиозными гармониями»; самому Листу они казались призраками тех, ранее написанных пьес. Наконец, он решается сразу на три крупномасштабных замысла — но ни один из них уже не предстанет перед слушателями при жизни композитора. Первый, «Оратория о святом Станиславе», являлся наиболее цельной задумкой Листа, и все же до нас дошли только отдельные фрагменты ее

партитуры. Другая оратория, небольшая (скорее, часть огромной драматической картины), называлась «Via Crucis» и представляла собой описание страстей Христовых. Третьей прощальной «симфонической притчей» стала поэма «От колыбели до могилы», написанная по одноименному рисунку Михаила Зичи.

Чардаш смерти

Отказавшийся от претензий блестящего виртуоза, отнеся их в тщеславный и ненужный мир иллюзий, Лист удалился от своих живописных принципов в аскетический мир философского размышления. И главным предметом этого размышления стала поэзия смерти. В 1865 году под впечатлением фрески «Триумф смерти» Орканья он сочинил «Пляску смерти», где фортепиано и оркестр бьются в суровом состязании действительно не на жизнь, а на смерть. Мысли о мире ином особенно сильно занимали Листа после кончины его детей, Даниэля и Бландины. В 1869 году он сообщает княгине Сайн-Витгенштейн свою последнюю волю относительно погребения, несколькоими годами позже пишет ей же:

«Уже с моей молодости я считаю, что умереть проще, чем жить».

Изумление, овладевшее Рихардом Вагнером при взгляде на поздние сочинения Листа, достаточно описано современниками. Издательства одно за другим со смущением отклоняли последние партитуры Листа. Ученики и друзья встречали произведения их кумира, наполненные скорбью и безнадёжностью, с полным непониманием. «Дозволено ли вообще писать подобное, дозволено ли слушать это?» — вопрошал ошеломленный Август Геллерих, преданный ученик Ференца Листа и его биограф. Отчужденность стареющего гения достигла высшей точки... Наверное, именно тот миг наибольшей погруженности в себя, то острейшее

произведение, Лист особо подчеркнул, что именно гравюры Дюрера ему хотелось бы видеть на титульном листе партитуры. Однако издатель ораторию отклонил, и она пролежала в рукописи до 1936 года. Прошло, стало быть, полвека после смерти Листа, прежде чем «Via Crucis» увидела свет.

мгновение стало рождением самого страшного произведения Листа — «Чардаша смерти».

«Счастье еще, что "Чардаш" остался лишь в рукописи, и Мастеру не удалось осуществить своего намерения», — заметил Янош Вег. Действительно, невидимым рукам удалось воспрепятствовать появлению произведения, хотя отдельные газеты уже довольно потирали руки в ожидании сенсации и понемногу подготавливали публику к «новейшим причудам» Листа. Только в 1942 году, спустя шестьдесят долгих лет, «Чардаш смерти» для большого симфонического оркестра был издан в Лондоне, отчасти на основе имеющейся транскрипции для фортепиано в четыре руки.

Призрачные пустые квинты «Чардаша», его архаичные диссонансы столь радикально отличались от того гармоничного, ароматного музыкального языка, к которому привыкли современники Листа, что ухо отказывалось поверить в право этой музыки на существование. Новый Лист казался чужим, непроницаемым и угрожающим. Но даже самое мрачное, самое безнадёжное творение искусства величайшего композитора было обращено к людям и рассказывало о них; на жизнь, а не на смерть ссылался Лист в «Чардаше смерти», самом противоестественном своем сочинении, написанном за четыре года до собственного ухода в ту самую даль, о которой он так бесстрашно рассказывал.

Фрагмент фрески «Триумф смерти» (1348) работы Андреа Орканья.

ВЕЛИКИЕ КОМПОЗИТОРЫ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

В следующем выпуске

ШУМАН

CD

Концерт для фортепиано с оркестром ля минор соч. 54
Симфония №4 ре минор соч. 120

ВЕЛИКИЕ
КОМПОЗИТОРЫ
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

